

НАБЛЮДАТЕЛЬ

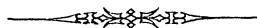
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ПОЛИТИЧЕСКІЙ И УЧЕНЫЙ,

ИЗДАВАЕМЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЮ

А. П. ПЯТКОВСКАГО.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 9-й. СЕНТЯБРЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Редакція и главная контора журнала: Поварской пер., д. № 5.

1885.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ ФЕЛЬДШЕРИЦЫ.

I.

Невидимыя слезы.

— Волынцева, что васъ не видать было на курсахъ въ пс-
стѣднее время? спросила я одну пожилую товарку, просматривав-
шую у окна записки терапіи.

Она никогда не теряла даромъ полуденной рекреациі, завтра-
кая и повторяя что нибудь въ одно и то же время. Ея сухен-
кое морщинистое лицо было серьезно, грустные и добрые каріе
глаза быстро бѣгали по строкамъ. Она такъ погрузилась въ свое
занятіе, что не слыхала даже вопроса. Я повторила его.

Волынцева торопливо обдернула свое простенькое шерстяное
платье и обратила ко мнѣ симпатичную фізіономію, на которой
какъ бы застыло робко-молящее выраженіе.

— Я хворала, тихо молвила она.

— Чтò было съ вами?

— Простудилась, должно быть... и сегодня что-то еще болить
голова.

Она приложила руку ко лбу, на который свѣшивались ма-
ленькой бахромкой темные съ просѣдью волосы, крѣпко сверну-
тые сзади толстымъ жгутомъ и уложенные на затылкѣ безо вся-
кихъ претензій. Это изобличало въ ней женщину, которой неко-
гда заниматься своей куафіурой, почему она и причесывается одинъ
разъ на цѣлый день.

— Смотрите, примите мѣры.

— Пустяки, пройдетъ и такъ... А вы не предчувствуете, что
я имѣю намѣреніе похитить васъ сегодня?

— Вѣрно, прочитать мои записки?

— Да, того и гляди, что опустишь что нибудь важное.

— Съ удовольствіемъ.

— Вотъ и спасибо!

Прямо послѣ лекціи мы отправились къ ней на квартиру. Я

посѣщала ее въ первый разъ. Жила она не близко. Мы вошли въ парадный подъѣздъ одного прекраснаго дома на Литейной.

Я никогда не подозрѣвала, чтобы Волынцева, эта скромная маленькая женщина, одѣтая скорѣе бѣдно, нежели просто, нерѣдко въ заплатанномъ платьѣ и обуви,—жила на самомъ дѣлѣ такъ роскошно... Мужъ ея былъ видный общественный дѣятель. „Зачѣмъ она пошла на курсы?“ думала я, глядя на ея сгорбленную фигуру, поднимающуюся по лѣстницѣ.

Расфранченная горничная отперла намъ дверь. Въ сравненіи съ нею, мы, фельдшерицы, походили на жалкихъ просительницъ въ передней знатнаго вельможи. На звонокъ выбѣжали два мальчика, лѣтъ 10—13, и бросились обнимать Воынцеву.

— Мама, милая, голубушка!.. что ты сегодня такъ поздно?

— Только что кончилось, дружки мои, рыбки мои ненаглядныя! отвѣчала она, нѣжно цѣлуя ихъ.

— А я думалъ, что тебя ужъ наказали! лукаво улыбнулся старшій.

Всѣ засмѣялись.

Мы прошли залу съ паркетнымъ поломъ, прекраснымъ роляемъ, массой зелени на окнахъ, и вступили въ простенькія небольшія комнатки. Первая была дѣтская, съ кроватями, застланными бѣлыми одѣялами безукоризненной чистоты, но нельзя было сказать того же самаго про ихъ новизну, ибо мѣстами виднѣлись заплаты. Ими же были покрыты и курточки мальчиковъ, хотя я замѣтила это лишь при болѣе тщательномъ осмотрѣ ихъ костюмовъ. На первый взглядъ, они показались мнѣ одѣтыми прекрасно.

Другая комната принадлежала самой хозяйкѣ. Здѣсь уже прямо ощущался недостатокъ.

„Что это: нужда въ раззолоченныхъ чертогахъ?“ мелькнуло у меня въ умѣ:—„какая чудовищная несообразность!..“

— Маша, дайте намъ поѣсть! распорядилась Воынцева.

— Ты устала, мама, садись скорѣй! заботились сыновья.

— Ничего, милые... ну, а что, дѣтки, ничего особеннаго съ вами не случилось?

— Нѣтъ, дорогая.

— Скажи, мама, вызывали тебя сегодня? интересовался младшій.

— Да.

— Знала ты свой урокъ?

— Знала.

— Сколько тебѣ поставили?

— Вѣдь мама говорила, что балловъ у нихъ не ставятъ! вмѣшался старшій.

— Ахъ, да! Я и забылъ... а мнѣ, мамочка, за Законъ Божій — 5.

Волынцева притянула къ себѣ на грудь голову сына, гладила его шелковистые мягкіе кудри, осыпая жаркими поцѣлуями. Вся страсть матери выразилась въ этой ласкѣ. Душа ея, очевидно, была положена въ дѣтей. Взаимная любовь ихъ была такъ велика, что, казалось, они не могли насмотрѣться другъ на друга, вдосталь наговориться.

Мы съѣли по тарелкѣ щей и по куску вареной говядины.

— Маша, жаркое есть тамъ?

— Нѣтъ, небрежно отвѣчала дѣвушка, съ шумомъ уходя въ дверь.

Она произвела на меня непріятное впечатлѣніе рѣзкостью своихъ манеръ и движеній, отношеніемъ къ своей госпожѣ какъ бы немного свысока, точно передъ нею находилась не сама барыня, а лишь приживалка послѣдней. Я составила себѣ почему-то понятіе такого рода, что прислуга въ мало-мальски порядочномъ домѣ должна быть непременно выдержана, выдрессирована, такъ сказать.

— Мама, знаешь ли... робко заговорилъ младшій сынъ.

— Что, Володя?

— Еслибы я зналъ, что онъ такъ много съѣстъ, то я оставилъ бы тебѣ свою порцію жаренаго.

— Кто—онъ?

— Какой-то толстый господинъ, котораго папа привелъ съ собою... Онъ, должно быть, очень былъ голоденъ, потому что поѣлъ страхъ сколько!

— Ну, ничего, дружокъ, улыбнулась мать:—мнѣ и этого довольно... Сыты ли вы?

— О, да!

— Папа говорилъ, что не скоро будетъ домой.

— Поминали, что совсѣмъ домой ночевать не придутъ,—встала горничная, собирая остальную посуду со стола.

— Подай намъ чаю, сухо сказала Волынцева.

Пока мы ѣли и пили, дѣти все время не отходили отъ матери, но едва мы покончили со всѣмъ этимъ, они обняли Волынцеву, поцѣловались въ послѣдній разъ и направились въ свою комнату.

— Вы не приготовили еще уроковъ?

— Несовсѣмъ, мамочка: мнѣ остались французскіе глаголы...

— А я еще не рѣшилъ задачу.

И мальчишки плотно затворили за собою дверь.

Я разложила на столъ тетради и принялась за чтеніе. Мысль же моя работала совсѣмъ въ другомъ направленіи: въ мозгу гвоздемъ засѣлъ вопросъ о томъ—что значить все мною видѣнное и слышанное?.. Отвѣта на него я не находила. Вплоть до сегоднѣшняго вечера ни одна изъ фельдшерлицъ не переступала порога этого дома, гдѣ все было полно загадочности и таинственности. Отецъ, летающій гдѣ то... труженица-мать, согнувшаяся и постарѣвшая раньше времени подъ бременемъ заботъ... непочтительная прислуга... хорошо воспитанныя дѣти, нѣжныя и любящія... Въ общемъ, ото всего вѣяло какимъ-то холодомъ; искусственность чувствовалась въ самой атмосферѣ. Неуютно глядѣлъ весь чертогъ... Я не промѣняла бы на него свой укромный, хотя далеко не казистый уголокъ въ „общинѣ“, въ которомъ свободно дышалось полною грудью.

— Я попрошу васъ почевать у меня сегодня, говорила Волинцева:—это дастъ намъ возможность посидѣть вечеромъ подольше, а то мы не успѣемъ пройти все, что слѣдуетъ.

Я ничего не имѣла противъ этого. Для справокъ понадобился черепъ. Волинцева достала его изъ нижняго ящика комода и съ тихимъ смѣхомъ поставила на столъ.

— Что вы?

— Расскажу вамъ прекуръезную вещь, начала она:—на первомъ курсѣ, когда мы проходили остеологию, я достала себѣ прекрасную коллекцію всевозможныхъ костей, сложила ихъ въ картонку и поставила на комодъ. Только однажды мнѣ случайно довелось услышать разглагольствованія нашей прежней горничной у воротъ дома, въ кругу любопытной челяди. „Моя барыня“, говорила она:—„варить людей“.—Зачѣмъ? спрашиваютъ ее.—„Вынимаетъ кости, сушить ихъ, а потомъ нашенгиваетъ надъ ними“.— А мясо куда же дѣваетъ?—„Мясо, должно быть, въ трубу пускаетъ, на вѣтеръ, потому—я его не вижу“.—Вотъ диво-то... колдунья она?—„Должно полагать!“

Я посмѣялась отъ души.

— Потому вы теперь черепъ и прячете?

— Да, что-жъ ихъ смущать: народъ темный.

Мы долго еще сидѣли послѣ общаго вечерняго чая. Наконецъ она проводила меня по коридору въ столовую, прилежавшую къ залѣ. Мнѣ приготовили постель на широкомъ кожаномъ диванѣ.

Комната была длинна и узка. По срединѣ ея помѣщался массивный дубовый столъ, у стѣны—такой же буфетъ и, наконецъ, легкіе стулья довершали меблировку.

— Здѣсь вамъ будетъ удобно спать.

— Благодарю... а куда ведетъ эта дверь?

— Не безпокойтесь, она заперта на ключъ и никогда не отворяется... за нею—кабинетъ моего мужа. Вотъ я оставляю вамъ на столѣ свѣчку и спички... Покойной ночи.

Она удалилась. Я закрыла глаза, и въ моемъ воображеніи тотчасъ же возникла картина знакомства съ Волынцевой. Придя въ первый разъ по поступленіи въ школу, я увидѣла сидѣвшую у окна маленькую пожилую женщину. Она серьезно занималась какимъ-то рукодѣльемъ, не принимая ни малѣйшаго участія въ шумныхъ толкахъ знакомящихся между собою фельдшерицъ. Принявъ ее за одно изъ начальствующихъ лицъ, я поклонилась. Она любезно отвѣтила мнѣ тѣмъ же.

— Господа, занимайте мѣста, крикнула надзирательница, показываясь въ дверяхъ аудиторіи:—лекторъ идетъ!

Всѣ бросились къ своимъ стульямъ, заранѣе уже занятымъ. Маленькая женщина (это была Волынцева) оказалась сидящею неподалеку отъ меня. Я была немало удивлена, что и высказала ей.

— Въ самомъ дѣлѣ?... вамъ показалось страннымъ, что такая старуха пришла учиться вмѣстѣ съ вами, молодыми?.. Что же дѣлать: вѣкъ живи, вѣкъ учись, говорить пословица...

И ея фізіономія освѣтилась самой добродушной улыбкой. Въ этомъ некрасивомъ лицѣ было такъ много чего-то подкупающаго, что вскорѣ наша старшая сокурсница завоевала себѣ всеобщую симпатію и уваженіе. На первыхъ порахъ мы считали ее очень бѣдной, судя по костюму. Но вотъ однажды, при денежномъ сборѣ на одну нуждающуюся сокурсницу, которая чуть не умерла отъ голода, Волынцева положила пять рублей. Столь большая сумма озадачила насъ. Мы перемѣнили свое мнѣніе. Потомъ надзирательница сказала намъ, что мужъ Волынцевой—видный „общественный дѣятель“. Тогда порѣшили, что она просто оригинальничаетъ.

Все это теперь вихремъ вертѣлось у меня въ головѣ, перепутывалось и давило мозгъ... Вскорѣ я крѣпко уснула. Долго ли я спала,—сказать не могу, но только меня разбудилъ громкій говоръ за стѣною.

Я открыла глаза. Въ дверную щель и замочную скважину пробивался свѣтъ, полосой легшій черезъ мою комнату. Одинъ голосъ былъ какъ изъ бочки, густой *basso-profundo*; другой—мягкій, нѣжный, пѣвучій, прямо лившійся въ душу. Его можно было заслушаться, какъ музыки.

— Завидный, чортъ возьми, успѣхъ у женщинъ! гудѣлъ басъ:—

тамъ, гдѣ другой изъ кожи вылѣзаетъ вонъ, бьется лбомъ объ стѣну,—тебѣ достаточно, какъ славному полководцу: прійти, увидѣть, побѣдить!

— Въ сорокѣ родился, братъ! ха-ха-ха!.. ну, не сердись, а то похудѣешь!.. лучше добавь-ка стаканы.

Послышалось бульканье жидкости изъ бутылки.

— А ну, къ праху ее!.. мнѣ только жаль издержекъ.

— Снявши голову, по волосамъ не плачутъ... Ну, веселѣе: чокнемся!

Звяканье стакановъ и звукъ глотковъ.

— Балыкъ и икра расчудесные!

— Ышь, Ышь, ты вѣдь изъ-за обѣда у меня вышелъ голоднымъ...

— Я и такъ не церемонюсь.

— А вѣдь дѣвочка—шикъ!

— Еще бы! однѣ икры чего стоятъ!

— Какой она пируетъ-то сегодня отколола: пластика, легкость, а главное -- энергія!.. фу ты, чортъ возьми, меня даже всего въ жаръ бросило!

— Еще бы,—конфетка!.. да кстати, тебѣ уже пора бросить эту Камилку... она похудѣла еще болѣе, стала tout à fait homme sans sexe. На живодерню ее—и только!

— Parbleu! но это уже и такъ рѣшено и подписано.

— Дѣло... Кстати,—ты долженъ будешь завести для нея рысаковъ.

— Гмъ... посмотримъ!

— Что же?.. развѣ свистить въ карманѣ?

— Не то, чтобы очень, но все таки вѣтеръ гуляетъ.

— Почему?

— Чортъ его знаетъ, я и самъ ума не приложу!

— Вѣрно женѣ даешь много на расходы?

— Нѣтъ, кажется... а впрочемъ она не жалуется... посмотрю, нельзя ли будетъ поурѣзать еще... ну, да это отнюдь не интересный вопросъ... налей-ка лучше еще вина!

Дверь въ коридоръ скрипнула, и на порогѣ появилась Паулина Николаевна Воынцева въ короткой юбкѣ и ночной кофтѣ.

— Спите? тихо спросила она.

Я не откликнулась. Воынцева приблизилась ко мнѣ на цыпочкахъ и нагнулась надъ моимъ изголовьемъ. Я сдѣлала видъ, что сплю. Дыханіе мое было ровно. Живо представила я себѣ, какимъ горячимъ румянцемъ стыда должны покрыться ея блѣдныя морщинистыя щеки, если я отзовусь только на ея робкій, тревож

ный опросъ. А за стѣной, между тѣмъ, рассказывался какой-то сальный анекдотъ, сопровождаемый звономъ стакановъ, веселымъ смѣхомъ и многозначительнымъ прищелкиваніемъ языка. Во-лынцева облегченно вздохнула.

„Будь спокойна, несчастная страдальца!“ мысленно воскликнула я въ то время, какъ она также осторожно оставляла комнату, какъ и вошла въ нее.

Подстрекаемая любопытствомъ, я встала наконецъ съ дивана и прильнула однимъ глазомъ къ замочной скважинѣ. Сердце у меня билось. Огонь свѣчей ярко освѣщаль лица собесѣдниковъ, сидѣвшихъ насупротивъ за столомъ; одинъ изъ нихъ былъ совершенно четырехугольный обрубокъ съ мясистымъ лицомъ плотояднаго сластолюбца. Онъ безостановочно ѣлъ и пилъ, хотя подъ носомъ, на тарелкѣ, уже образовалась цѣлая гора объѣдковъ: рыбныхъ костей, жиру, кожи и т. д. Столъ былъ заставленъ множествомъ бапочекъ съ консервами и бутылокъ съ виномъ и водкой.

Басистый голосъ принадлежалъ толстяку. Я поняла, какой это былъ *голодный*,—предо мною находился чревоугодникъ.

Другой человѣкъ тоже былъ полный собою, но соотвѣтственно высокъ ростомъ и прекрасно сложенъ. Онъ поминутно срывался съ мѣста и въ волненіи мѣрилъ комнату большими шагами, красиво откидывая назадъ рукою волосы, почти льнянаго цвѣта, волнообразной шапкой украшавшія его львиную голову. Горящіе голубые глаза его нѣсколько нагло и самоувѣренно смотрѣли изъ-подъ темной дуги бровей. Это былъ салонный левъ съ медоточивымъ голосомъ сирены. При взглядѣ болѣе внимательномъ, можно было дать ему лѣтъ подъ 40, хотя онъ глядѣлъ гораздо моложе.

Довольно, мнѣ все стало ясно! Я улеглась на свой диванъ, но сонъ далеко бѣжалъ отъ моихъ глазъ, и лишь подъ утро благодатная дрема смежила мои вѣжды. И снились мнѣ двое молодыхъ людей—*онъ* и *она*, сіяющіе счастіемъ взаимной любви, веселые и безпечные. Это были Волынцевы. Они порхаютъ отъ удовольствія къ удовольствію, какъ рѣзвые мотыльки, и жизненный путь ихъ кажется усыпаннымъ розами и залитъ солнечнымъ свѣтомъ.

Картина мѣняется. Молодая мать возится въ дѣтской съ двумя херувимами—мальчиками. Она моетъ ихъ, холитъ, не надышется на нихъ. Вотъ живописная группа образуется около камина: молодая мать въ креслѣ и два птенца на колѣняхъ. Она рассказываетъ имъ фантастическія сказки про молочныя рѣки съ кисельными берегами. Входитъ отецъ съ утомленнымъ видомъ и раздраженный.

— Какъ это однако буржуазно, *ma chère!* восклицаетъ онъ:— просто съ ума сойдешь отъ тоски!

— А что, душа моя?

— Да вѣчно возишься съ ребятами —этакое бабство!.. сердит-ся онъ...—Гм!.. сегодня у Радиныхъ затѣвается пикникъ... поспѣ-шить развѣ туда и примкнуть къ ихъ компаніи?.. Вѣдь тебя, все равно, никуда не вытащишь: это твои приростки! тыкаетъ онъ пальцемъ по направленію дѣтей и, папѣвая модную шансонетку, выходитъ изъ комнаты.

И эта картина прошла мимо. Возникаетъ новая. Двѣ тѣсныя комнатки. Въ одной два мальчика снимаютъ свою гимназическую форму и бережно вѣшаютъ платье въ шкафъ; въ другой—женщина согнулась надъ столомъ и сводитъ длинный-предлинный копѣеч-ный счетъ. Прислуга насмѣшливо смотритъ ей черезъ плечо, какъ бы плохо слыша ея приказанія и вовсе не торопясь исполнить ихъ; зато опрометью бросается, заслышавъ шаги въ другой половинѣ квартиры, спѣша услужить щедрому барину. „А ба-рыня что?.. жидоморъ, копѣчница!“ Шаги мужа теперь уже никогда не направляются на половину жены. У нихъ пол-ный разладъ въ домѣ, сшитый наружно бѣлыми нитками. При-слуга хорошо чувствуетъ это, и потому-то она почти груба съ ба-рыней, понимая, что та—послѣдняя спица въ колесницѣ.

Тяжела эта жизнь. Мается въ ней человѣкъ и мечется, ища выхода, ибо нестерпимо гнететъ она его и гонитъ въ преждевре-менную могилу. „Исходъ подавай мнѣ!.. какой нибудь исходъ!“

— Вставайте, вставайте, время: вишь, заспались какъ!

Я открыла глаза. Волынцева ласково трепала меня по плечу. Я быстро вскочила и одѣлась.

— Ахъ, какъ я крѣпко спала!

— И отлично.

Опять одни выпили мы чаю, и вмѣстѣ съ дѣтьми вышли на улицу: мальчики повернули направо—въ гимназію, мы—налѣво, въ свою школу.

II.

Погибшая сила.

Я возвращалась домой изъ *города*,—такъ мы называли центръ столицы въ отличіе отъ окраины, въ которой находилась наша фельдшерская школа. Неподалеку отъ послѣдней, вмѣстѣ съ одной курсисткой, я нанимала комнату—узкую и длинную, въ видѣ ко-ридора, съ громоздкимъ шкафомъ по срединѣ и двумя кроватя-ми въ образуемыхъ имъ отдѣленіяхъ.

Слушательницы нерѣдко живутъ попарно, для большаго удобства при занятіяхъ. Этимъ достигается нѣсколько цѣлей сразу: квартирная плата, разлагаясь на двухъ, становится менѣ чувствительною, и учебныя пособія ограничиваются однимъ экземпляромъ по каждому предмету; сокращается также расходъ на освѣщеніе. Наконецъ, многія не могутъ свыкнуться съ одиночествомъ, оторвавшись отъ семьи и попавъ прямо въ холодныя объятія чужаго, непривѣтливаго города.

Моей сожительницей была Осиповичъ—высокая статная дѣвушка съ открытымъ лицомъ и умными сѣрыми глазами, смѣло смотрѣвшими изъ-подъ высокаго чистаго лба, обрамленнаго темными волосами. Крупный подбородокъ служилъ какъ бы прочнымъ базисомъ ея мраморному лицу, красивому въ чисто интеллигентномъ смыслѣ, отличавшемуся силою ума, воли, и нервной подвижностью въ выраженіи, но безъ признаковъ колоритности, прямо бросающейся въ глаза. Развитая, мыслящая, серьезно относившаяся къ дѣлу, подруга общала со временемъ сдѣлаться солидной фельдшерицей, какихъ желательно видѣть побольше на трудномъ поприщѣ *чернорабочихъ медицины* (такъ мы называли самихъ себя).

Познакомилась я съ Варей Осиповичъ на курсахъ, а сошлась ближе, встрѣчаясь у Колчиной, въ квартиркѣ которой собиралось вообще немало молодежи въ дни отдыха.

— Почему ты поступила на курсы? спросили какъ-то Осиповичъ ея товарищи.

— Мнѣ не удалось окончить гимназію, а гарантировать себя въ жизни необходимо; вотъ я и пошла.

— А понравилось ли тебѣ дѣло?

— Конечно,—иначе я давно бы уже покинула школу.

И никто не сомнѣвался въ искренности ея словъ.

Трудности фельдшерской жизни какъ бы не существовали для Вари: она отличалась такимъ завиднымъ здоровьемъ и физической силой, что со всякой работой справлялась совершенно шутя. Но въ послѣднее время я невольно обратила вниманіе на перемѣну, произошедшую въ моей пріятельницѣ,—она сдѣлалась нервна и угрюма. Всякіе вопросы съ моей стороны вызывали въ ней безпричинное раздраженіе и даже гнѣвъ.

Я терялась въ догадкахъ; наконецъ, случайно получила ключъ къ ея аномальному психическому состоянію. Произошло это такъ: мы отправились въ театръ, взявъ въ складчину билетъ. Въ нашей ложѣ собралось четырнадцать человѣкъ. Фельдшерицы сидѣли впереди, причемъ ухитрились втроемъ занимать два стула; студенты смотрѣли стоя.

Давался „Демонъ“. Компанія была оживлена, всѣ весело болтали; только одна Осиповичъ сидѣла безучастная, грустно поникнувъ головою. Это скоро бросилось всѣмъ въ глаза. Во второмъ актѣ, сожительницѣ моей сдѣлалось дурно. Я съ Колчиной поспѣшили вывести ее на лѣстницу.

— Что съ тобою?

— Ничего особеннаго... нервы, должно быть...

— Однако ты не шути этимъ... если такъ пойдетъ и дальше, то можетъ выйти очень скверно.

— Преувеличиваешь... пройдетъ...

Когда ей стало полегче, она запросилась домой.

Не дослушавъ оперы, мы поѣхали ее провожать.

— Ты изволь лѣчиться, Осипъ *)... ступай завтра къ доктору, наставительно говорила дорогою Колчина.

— Зачѣмъ?.. я не больна... это такъ...

Я подозрительно посмотрѣла ей въ лицо. По приѣздѣ домой, мы заставили Варю выпить изрядную дозу бромистаго калия, который тутъ же растворили въ стаканѣ комнатной воды.

— Какъ ты думаешь, чтò съ нею? спросила я на другой день Колчину.

— Навѣрное сказать не могу, а подозрѣваю кое-что...

— Напримѣръ?

— Да какъ тамъ у нихъ?.. не разстроилось ли съ женихомъ?

— Какимъ?

— Ну, конечно,—ея женихомъ.

— Я вообще ничего не знаю... не слыхала... расскажи, пожалуйста, чтò тебѣ извѣстно.

— Изволь... видишь ли, родомъ она съ Кавказа... осталась давно уже круглою сиротою и росла у своей тетки вмѣстѣ съ ея приемышемъ Николаемъ Воиновымъ. Бравый такой молодецъ вышелъ изъ него теперь. Вотъ они вмѣстѣ учились, вмѣстѣ играли и полюбили другъ друга. Только Воиновъ двумя годами раньше Вари уѣхалъ съ Кавказа въ Петербургъ. Осиповичъ намѣревалась окончить гимназію, но ей помѣшала въ этомъ продолжительная болѣзнь... Приѣхала она сюда въ нынѣшнемъ году и вначалѣ все была такая веселая... Я часто заставала у нея Николая... теперь же что-то давно его не видно. Говорить, что онъ нездоровъ; но это, кажется, не правда. Тутъ что нибудь да есть. По пустякамъ не стала бы она такъ хандрить,—не такой человекъ!

*) Такъ обыкновенно измѣняли у насъ именныя фамиліи.

— Жаль бѣднягу.

На этомъ нашъ разговоръ тогда и кончился. Впослѣдствіи я познакомилась съ исторіею Осиповичъ подробнѣе.

Съ тѣхъ поръ прошло немало времени. Наступили уже сумерки, когда я вернулась домой. Дверь квартиры оказалась незапертою, и я прямо прошла къ себѣ. Варя была не одна въ комнатѣ. Переступая порогъ, я замѣтила стоявшаго ко мнѣ спиною человѣка въ высокихъ сапогахъ, съ заправленными въ нихъ брюками, и въ красной рубашкѣ, перетянутой кожанымъ поясомъ.

Собесѣдники, очевидно, разговаривали, и притомъ горячо, такъ какъ я поймала энергическій жестъ.

— Наша идея... ударивъ себя кулакомъ въ грудь, произнесъ молодой человѣкъ, но тотчасъ же повернулъ голову на скрипъ двери.

Я увидѣла мужественное, раскраснѣвшееся, отъ волненія лицо, съ орлинымъ носомъ и блестящими черными глазами. На лобъ его свѣшивалась цѣлая шапка курчавыхъ темныхъ волосъ. Я догадалась, что это былъ Воиновъ. Онъ остановился на полуфразѣ и вопросительно посмотрѣлъ на свою невѣсту.

— Это она и есть, коротко отвѣтила ему послѣдняя.

Очевидно, про меня былъ уже разговоръ.

— А-а... протянулъ Николай, принимаясь въ волненіи маршировать по комнатѣ.

Затѣмъ, обо мнѣ какъ бы забыли.

Варя сидѣла на стулѣ, прислонившись къ его спинкѣ. Одна рука ея неподвижно лежала на столѣ, другая висѣла на подобіе плети. Лицо ея покрывала мертвенная блѣдность. Вся фигура выражала собою крайнюю степень нравственной подавленности и угнетенности. На столѣ передъ нею находилось обручальное кольцо и пачка писемъ. Очевидно, я застала окончаніе какой-то драмы, разыгравшейся между этими людьми.

Молодой человѣкъ подошелъ къ столу, налилъ стаканъ воды и, выпивъ его залпомъ, зашагалъ снова. Онъ низко опустилъ на грудь голову, подавивъ вздохъ.

— Кажется, помѣшала? спросила я:— не уйти ли?

— Нѣтъ, зачѣмъ же... мы переговорили уже... или, впрочемъ... да нѣтъ, все равно... Осиповичъ слабо махнула рукою.

Я поспѣшила удалиться въ свой темный уголъ, гдѣ и усѣлась въ кресло. Прячась сама въ тѣни, я тѣмъ не менѣе могла видѣть изъ-за шкафа все, происходящее на половинѣ моей сожительницы.

— Варя! услышала я шопотъ молодого человѣка: — Варя!..

прошу, молю тебя: повремени окончательнымъ рѣшеніемъ... подумай хорошенько!

Въ его словахъ было столько нѣжности и вмѣстѣ горя, что мнѣ сразу стала очевидна его глубокая любовь къ ней.

— Къ чему тянутъ время, Николай? вполголоса отвѣчала дѣвушка:—мое рѣшеніе безповоротно... и *потомъ* я отвѣчу тебѣ то же, что *теперь*... идеаль въ жизни я вижу въ личномъ счастьи... Это узко по твоему... Я—эгоистка...

Онъ не возражалъ.

Нѣсколько секундъ длилось молчаніе.

— Прощай же, Варя, глухо проговорилъ онъ наконецъ, берясь за пальто.

— Навсегда? вырвалось у нея.

— Навсегда, повторилъ онъ, стараясь не глядѣть на дѣвушку.

Она точно прислушивалась къ роковому слову и вдругъ, понявъ все его страшное значеніе, порывисто вскочила и бросилась на шею молодому человѣку,

— Милый, дорогой!.. брось эти бредни о міровомъ счастьи, торопливо и любовно заговорила она, прильнувъ къ нему щекою:— вернись ко мнѣ!

— Не могу, глухо отозвался Воиновъ:—иди за мною!

Руки ея упали. Она отступила отъ него, отрицательно покачавъ головою.

— Варя!.. Другъ!..

— Нѣтъ... коснѣющимъ языкомъ промолвила она.

Онъ опростетью выбѣжалъ изъ комнаты. Нѣсколько секундъ Осиповичъ стояла неподвижно, съ упавшею на грудь головою.

Но вотъ дверь пріотворилась, и опять въ ней показалась голова Николая съ воспаленными глазами.

— Варя, пойдёмъ! страстнымъ шопотомъ позвалъ онъ.

Дѣвушка отшатнулась въ сторону, испугавшись его, какъ привидѣнія.

— Уходи!.. Уходи!.. задыхаясь, воскликнула она такимъ тономъ, какъ съ перепуга говорятъ: чуръ меня!.. чуръ меня!..

Онъ исчезъ. Я оставила свое убѣжище и поспѣшила поднести несчастной стаканъ воды.

— Выпей!

Но Варя ухватила меня за руки, расплескавъ воду, и безпомощно опустила на стулъ. Съ нею сдѣлался обморокъ.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ. Мы съ Осиповичъ разъѣхались по разнымъ квартирамъ. Незадолго до переходныхъ экзаменовъ, Варя расхворалась окончательно,—*развинтилась*, какъ у насъ выражались. Подруги не лѣнились навѣщать ее.

Какъ-то разъ утромъ я пришла къ ней. Вслѣдъ за мною явились тотчасъ же Колчина съ Верещагиной. Больная металась въ жару на своей постели.

— Что, Осипъ, недомогаешь? участливо спросила Колчина.

— Такъ себѣ... голова болитъ.

— Привести къ тебѣ доктора? предложила Верещагина.

— Нѣтъ, не нужно.

— А право же полѣчиться тебѣ не мѣшаетъ! настойчиво подтвердила и я, дотрогиваясь рукою до ея пылавшаго лба.

— Отстань! нетерпѣливо крикнула она.

— Ну, ну, не волнуйся!.. это тебѣ вредно.

Мы ограничились тѣмъ, что наложили ей компрессы.

— Была ты у Воинова? спросила Верещагина.

— Не пустили... а что? встрепенулась больная при одномъ упоминаніи о дорогомъ для нея человѣкѣ.

— Да мы съ Колчиной думали тащить тебя къ графу.

— Просить за него?

— Да... о смягченіи участи.

— О, спасибо вамъ, мои милыя, добрыя! оживилась Осиповичъ, приподнимаясь на локоть. Слезы потекли у нея изъ глазъ:— я-то вотъ захворала... досада, право... ну, попытайте счастья безъ меня!..

— Успокойся однако, Варя!

— Но какъ вы это сдѣлаете? полюбопытствовала я.

— Очень просто! рѣшительно воскликнула Колчина:—я упаду къ его ногамъ, буду просить, молить, плакать... онъ — добрый, это всѣ говорятъ.

Больная слѣдила за нею жаднымъ взоромъ, затѣмъ привлекла къ себѣ и чуть не задушила ее въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ, покрывая безчисленными поцѣлуями.

Такъ выразилось у нея чувство безпредѣльной благодарности.

— Да ну, полно! отбивалась Колчина: — тебѣ же волненіе вредно!

— О, ничего!.. мнѣ уже легче!.. я такъ хорошо чувствую себя теперь!..

Мы простились съ Осиповичъ и ушли.

На слѣдующій день я встрѣтила Верещагину съ Колчиной на курсахъ.

— Ну что, какъ дѣла?

— Опоздали... былъ короткій отвѣтъ.

— Какъ же теперь она?

— Мы не рѣшились раскрыть правды... сказали, что намъ по- дана надежда.

— И что же Варя?

— Радуетъ, какъ дитя.

Дѣла помѣшали мнѣ зайти къ Осиповичъ прямо изъ школы, и я отправилась къ ней уже на другой день. Она лежала на кровати лицомъ къ стѣнѣ, а возлѣ нея, тутъ же на постели, валялся нумеръ газеты.

— Спишь ты, Варя?

Отвѣта не послѣдовало. Я подумала, что она дремлетъ, и, рѣшившись подождать ея пробужденія, взяла въ руки газету и стала пробѣгать. Вдругъ мнѣ все стало ясно. Я испугалась за другую и принялась тормошить ее.

— Встань же!.. на воды... выпей скорѣе!..

Она подняла голову и повернула ко мнѣ лицо. Въ немъ не было ни кровинки; глубоко ввалившіеся глаза, окаймленные черными обводами, лихорадочно горѣли. Я почти насильно влила ей въ ротъ нѣсколько капель.

— Бога ради, не ложись!.. вставай сейчасъ же!.. пойдѣмъ въ „общину“ (такъ называлось общежитіе фельдшерлицъ при школѣ). Тамъ тебя нужно!..

Не отдавая себѣ хорошенько отчета, зачѣмъ тащу ее туда, я тѣмъ не менѣе употребила всю энергію, всю силу настойчивости, чтобы только не допустить ее снова погрузиться въ состояніе оцѣпенѣлости. Это безмолвное горе безъ слезъ и стenanій было ужасно. „Скорѣй отсюда!.. тамъ—все таки народъ, поразговорятъ ее, поразсѣять... а тутъ—она одна, какъ въ могилѣ, всѣмъ чужая, лишняя“, промелькнуло у меня въ головѣ. Она машинально покорила моему вліянію и начала одѣваться.

— Теплѣе... сегодня вѣтеръ... голову повяжи теплымъ платкомъ... вотъ такъ, теперь хорошо, пойдѣмъ.

Спустились уже сумерки.

Мы шли по длинной полутемной улицѣ, на которой только еще начали зажигать фонари. Всегда малолюдная улица была теперь окончательно пустынна.

Я держала Осиповичъ подъ руку, стараясь обратить ея вни-

маніе на различные предметы, чтобы не дать возможности сосредоточиваться ея мыслямъ.

— Онъ!.. онъ!.. замирающимъ шопотомъ произнесла вдругъ она, останавливаясь и устремляя испуганные, широко-раскрытые глаза въ пространство.

— Кто?

Но она съ неимовѣрною силою вырвала отъ меня руку и съ крикомъ бросилась впередъ.

Я оглядѣлась.

Нигдѣ не было видно ни души. Пустилась догонять подругу.

Она повернула за уголъ и на минуту исчезла у меня изъ глазъ. Но это было всего лишь на минуту, ибо я старалась не терять ея изъ вида... Вотъ какой-то дюжій мастеровой разставилъ руки, желая загородить ей дорогу. Секунда борьбы, и парень оказался поверженнымъ на землю. Это обстоятельство сократило отдѣлявшее насъ разстояніе. Вскорѣ я догнала товарку, схвативъ ее сзади за плечи.

— Осиповичъ!.. Христось съ тобой!.. остановись!..

Я едва переводила дыханіе.

Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Холодный потъ крупными каплями покрывалъ ея лобъ.

— Ахъ, какъ я испуга-алась!..

Зубы ея стучали.

Она остановилась, дико озираясь по сторонамъ.

— Ну, пойдемъ, пойдемъ!.. потащила я ее:—до общины теперь недалеко.

Я ужасно боялась, что она вырвется у меня опять.

— Скажи, кого ты испугалась?

— Боже мой, Боже мой!.. развѣ ты не видѣла?

— Да кого же, кого?

— Его...

Но я такъ и не узнала, кто это былъ онъ.

— Гдѣ ты его увидѣла?

— Тамъ... въ фонарѣ...

Было ясно, что у нея галлюцинаціи.

— И чтò онъ тебѣ сдѣлалъ?

— Погнался за мною... схватилъ...

— Какая же ты глупая, Варвара: гналась за тобою я, а останавливать хотѣлъ одинъ мастеровой.

— Не правда, не правда!.. тамъ былъ онъ...

Дрожа, какъ осиновый листъ, она прижималась ко мнѣ.

Въ общинѣ окружили ее товарки и рѣшились болѣе не от-

пускать на квартиру. Осиповичъ всё искренно жалѣли, потому что любили. Она, между тѣмъ, почувствовала себя очень дурно. Десятки рукъ наперерывъ старались услужить ей, то подавая пить воду, то поднося нюхать нашатырный спиртъ, то накладывая на лобъ компрессы. Ничто однако не помогало. Съ больною начался нервный припадокъ. Мы поспѣшили позвать врача.

— Сильное потрясеніе нервной системы, говорилъ онъ, возясь около нея.—Надо будетъ помѣстить въ общинѣ, такъ какъ за нею требуется самый бдительный уходъ... Какъ бы не сдѣлалось еще нервной горячки, обратился онъ къ надзирательницѣ.

Но горячки не послѣдовало, а случилось нѣчто гораздо худшее. Осиповичъ въ скоромъ времени помѣшалась. Ее помѣстили въ лѣчебницу душевно-больныхъ.

III.

Квартирные мытарства.

Въ Петербургъ я пріѣхала изъ глухаго уѣзднаго города N, лежащаго на сѣверѣ нашего пространнаго отечества. Остановилась я на первое время у однихъ своихъ знакомыхъ, у которыхъ и прожила все время экзаменовъ. Когда же судьба моя была рѣшена въ утвердительномъ смыслѣ, то пришло время позаботиться о пріисканіи себѣ комнаты. Съ этою цѣлью, въ первый праздничный день, я отправилась въ тѣ края, гдѣ помѣщалась наша школа. Но поиски мои долгое время были напрасны.

Вдругъ, въ одной темной и грязной улицѣ, изъ мелочной лавки выскочила сокурсница Дольская, чуть-чуть не наткнувшись на меня.

— А!.. вѣдь ты на *той* сторонѣ живешь, зачѣмъ же въ непоказанное время тутъ лязгаешь? удивилась она.

Я объяснила.

— Гмъ!.. вонъ оно что. Зайдемъ ко мнѣ, напьемся чаю. У меня сидитъ Ольга Мятлева,—она такая юркая... успѣла ужъ здѣсь все разузнать и со всѣмъ ознакомиться. И тебѣ поможетъ.

Я согласилась.

Мы вошли на дворъ одного деревяннаго дома, и по скрыпучей лѣстницѣ ветхаго флигеля поднялись во второй этажъ. Изъ темной передней былъ прямо ходъ въ небольшую комнату Маруси Дольской.

— Я чоловіка віду! крикнула она.

Съ неуклюжей деревянной кровати поднялась миловидная блондинка съ выразительными карими глазами.

— А... это ты?.. Не анатомію ли вмѣстѣ съ нами читать пришла?

— Пока тильки чайничать! за меня поспѣшила отвѣтить хозяйка, хлопотавшая уже около поданнаго самовара.

Я осмотрѣла комнату; половину ея занимала кровать, а другую—простой деревянный столъ и пара плетеныхъ стульевъ. На окнѣ стоялъ горшокъ какихъ-то полусохшихъ раскидистыхъ цвѣтовъ, нисколько не служившихъ украшеніемъ, а только загораживавшихъ комнату. Нельзя было ни сѣсть возлѣ окна, ни пройти мимо безъ того, чтобы не зацѣпить за нихъ.

Въ углу висѣлъ большой кіотъ изъ краснаго дерева съ образомъ въ серебряной ризѣ. Стѣны были оклеены не то сѣрыми, не то грязными обоями.

— Какъ ты тутъ ворочаешься, Маруся? невольно задала я вопросъ, послѣ того какъ стукнулась локтемъ о кровать, зацѣпилась шерстянымъ платкомъ за сучья цвѣтовъ, причемъ чуть не стащила ихъ на полъ, и едва не полетѣла со стула, у котораго вмѣсто одной ноги было подставлено полѣно.

— Какъ видишь! весело отозвалась дѣвушка:—недѣли двѣ мы еще помѣщались здѣсь вдвоемъ, тоже съ одной малоросской, пока она наконецъ не подыскала себѣ отдѣльной комнаты.

— Въ тѣснотѣ да не въ обидѣ, улыбнулась Ольга, съ апетитомъ пережевывая корку чернаго хлѣба и запивая чаемъ.—

„Есть коли уголь да хлѣба кусокъ,
„Будь всѣмъ доволенъ и весель дружокъ!“

продекламировала она, слышная у насъ курсовымъ поэтомъ.

Мы разговорились.

— Надо тебѣ сказать, что и комнаты въ нашихъ палестинахъ ужасныя, да и хозяйки попадаютъ фуріи такія, что страхъ!

— Я больше потому за свое жилье и держусь, сказала Дольская,—что хозяйка у меня славная женщина.

— Да ужъ лучше помириться съ кое-какими недостатками.

— А сколько ты платишь?

— Пять цѣлковыхъ,—и дешево, и сердито! но и то спасибо Ольгѣ: она нашла.

— Только какъ дуетъ отъ окна.

— По деньгамъ товаръ.

— Ну и дворники здѣсь ай-ай какіе! покачала головою Матлева.

— А что?

— За деньги продадутъ и купятъ.

— Какъ такъ?

— Да вотъ, если будетъ отъ тебя на чаекъ перепадать, то заслужишь съ ихъ стороны самую лестную аттестацію, а если нѣтъ,—берегись!

— Ну, вотъ еще!

-- Не вѣришь?.. смотри, этимъ не шути!

— Что же, однако, можетъ быть?

— А вотъ я знаю случай такого рода: жилъ здѣсь одинъ литераторъ, являвшійся ежедневно домой чуть не на четверенькахъ... пьянствовалъ. И подалъ онъ просьбу о пособіи въ литературный фондъ. Оттуда послали разузнать о немъ, причемъ обратились къ дворнику. Послѣдній, имѣвшій основаніе быть довольнымъ жильцомъ, расхвалилъ его до небесъ и безъ зазрѣнія совѣсти увѣрилъ, что тотъ хмѣльнаго никогда въ ротъ не беретъ. Благодаря такой вѣской рекомендаціи, литераторъ получилъ желаемое... А другой фактъ обратнаго свойства: одинъ юный труженикъ велъ самый скромный образъ жизни; поглощенный научными интересами, онъ былъ изъ тѣхъ тихихъ, совсѣмъ незамѣтныхъ въ жизни людей, про которыхъ говорятъ, что они воды не замутятъ. Но дворникъ, не видя подачекъ съ его стороны, составилъ о немъ свое особое мнѣніе, которое и не замедлил изложить гдѣ слѣдуетъ. Плохо пришлось бы бѣднягѣ, еслибы у него не явились заступники... спасибо, въ-время успѣли выручить и сберегли талантъ для науки... Онъ, то есть, ни душой, ни тѣломъ—и вдругъ напасть такая!.. а все изъ-за презрѣннаго мещалла.

— Это ужасно!

— Ничего, только не пренебрегай практической стороной дѣла...

— Однако, пора...

— Спасибо тебѣ за чай, Маруся, а намъ времени терять не приходится.

— Въ добрый часъ, пошуйте!.. А если неудача, то перебирайся ко мнѣ... чуешь? ласково хлопнувъ меня по плечу, проговорила Дольская.

— Хорошо... благодарю.

Простившись, мы отправились на поиски, внимательно просматривая наклеенные на воротахъ билетки, гласившіе о сдачѣ комнатъ и квартиръ.

Едва мы вышли, какъ Мятлева принялась весело болтать и, въ разговорѣ, нѣсколько разъ коснулась Маруси.

— Вы не гимназическія ли подружки? спросила я.

— Да... а что?

— Она, кажется, такая эксцентричная... заинтересовала меня. Хотѣлось бы вообще поближе познакомиться съ нею.

— Въ самомъ дѣлѣ?.. это дѣйствительно замѣчательный человекъ! восторженно воскликнула дѣвушка.

— Почему?

— Цѣльный, самостоятельный типъ. Самый складъ ума у нея вполне оригинальный. Она изъ тѣхъ людей, которые до всего додумываются сами... Зато всякій вопросъ въ жизни разрѣшаетъ по своему и, притомъ, всегда удивительно просто... Можно спорить съ нею въ принципѣ, но нельзя не сознаться, что ея рѣшеніе самое реальное, а главное—простое.

— Расскажи мнѣ о ней что нибудь.

— Охотно, но прежде прочитай вотъ этотъ билетикъ на воротахъ.

— „Адаеца полкомнаты темное“...

— Не подходитъ, двигаемся дальше.

Разговоръ снова возвращается къ Дольской.

— Кто ея родители?

— Отецъ—очень бѣдный чиновникъ казенной палаты въ нашемъ губернскомъ городѣ, а мать—портниха... Дѣвочку совсѣмъ даже не имѣли намѣренія и учить-то, по недостатку средствъ, но она сама себя пристроила въ гимназію.

— Какимъ образомъ?

— Да такъ вотъ... Приставала она не разъ къ отцу объ опредѣленіи, но у того все не было денегъ. Тогда Маруся, девятилѣтней дѣвочкой, сама отправилась къ начальницѣ гимназіи, рассказала ей все, что и какъ, расплакалась... Начальницѣ она очень понравилась; та была женщина добрая, сама дѣтей имѣла. Видя такое сильное желаніе учиться и бойкую сообразительность ребенка,—взялась похлопотать за нее, да въ скоромъ времени устроила стипендіаткой одного помѣщика. Такъ Маруся и окончила гимназію, да еще золотую медаль получила... Давая уроки въ послѣднихъ классахъ, она помогала родителямъ. Тѣ въ ней души не чаяли: одна у нихъ всего...

— Вы одного выпуска?

— Нѣтъ, она двумя годами раньше... я оставалась въ первыхъ классахъ...

— Что же она дѣлала все это время?

— Была сельской учительницей... говорить—изучала народный бытъ и его нужды.

— И пришла къ убѣжденію, что деревнѣ нужны фельдшерицы?

— Да, вывела именно такое заключеніе... Вотъ мы вмѣстѣ и пріѣхали.

— А ты почему поступила въ курсы?

— Видишь ли, пріѣхала-то я съ цѣлью держать на медицинскіе,—но порѣзалась на экзаменѣ... тамъ вѣдь очень трудно... и соревнованіе опять.

— Почему же не на Бестужевскіе, а сюда?

— Это учительницей-то потомъ быть?... нѣтъ-съ, покорно благодарю!... Я достаточно насмотрѣлась на милыхъ, невинныхъ созданий,—сирѣчь дѣтей,—которые могутъ быть самыми жестокими мучителями своихъ преподавателей въ простотѣ сердца!...

— Однако они, должно быть, насолдили же тебѣ?

— Еще бы!... Всѣ мои симпатіи лежали къ медицинѣ... не удалось сдѣлаться врачомъ,—буду фельдшерицей. Посмотри билетики на воротахъ.

— „Адаеца комната въ одномъ окнѣ, ходъ черезъ хозяйку“, читаю опять я.—Что это значить—черезъ хозяйку?

— То есть, черезъ комнату хозяйки... видишь, для краткости написано.

Подруга улыбается. Идемъ дальше.

— Какимъ образомъ Дольская могла закалить въ себѣ силу воли?

— Я думаю, вслѣдствіе того, что росла на полной свободѣ, педагогической ломки никакой не испытала, не такъ, какъ мы:—въ дѣтствѣ пичкаемся сантиментально-приторными вольфовскими книжонками про пай-Васю и добренькую Машу, съ прописными истинами на каждой страницѣ... а въ жизни приходится видѣть совсѣмъ обратное... Вотъ зато Марусенька и вылилась произвольно въ ту форму, какую приготовила ей жизнь... Отсюда и цѣльность ея натуры.

— Не сразу же это случилось... были задатки.

— Само собою разумѣется!... Въ дѣтствѣ она была страшно капризна и настойчива. Впослѣдствіи это и перешло въ твердость воли... Я знаю случай такого рода: однажды къ Дольскимъ пришла въ гости рябая тетка. Племянница, послѣ продолжительнаго наблюденія, говоритъ: „у васъ лицо, точно вафельная форма“. Мать ея вскипѣла, прибила дочь, велѣвъ просить прощенія у тетки и поцѣловать у нея руку; въ случаѣ же неисполненія приказанія, угрожала цѣлый день ничего не давать ѣсть. „За что же? развѣ это не правда?“ спросила Маруся, и такъ какъ никто

не могъ опровергнуть справедливостъ высказаннаго мнѣнія, то дѣвочка предпочла вынести наказаніе.

— Ольга, смотри, вотъ еще: „Большая, звѣтлая, вадиночку“... Это, должно быть, одинокому или одинокой?

— Надо полагать.

— Зайдемъ.

Мы поднимаемся по лѣстницѣ.

— Чего вамъ?.. комнату, что-ли? встрѣчаетъ насъ вопросами дородная хозяйка.

— Да.

— Ну, что-жъ, идите, посмотрите,—снисходительно говорить она, пропуская насъ впередъ.

Комната понравилась.

— А вы не студентки ли будете?

— Да, а что?

— То-то-же!

— Именно?

— У меня, глядите, жить смирно!.. чтобы, значить, вашего духу—ни-ни!.. Боже упаси!.. а не то, чтобы что!.. Жильцамъ полагается два самовара въ день, и больше не требовать!.. Ужъ та-кой заведенъ порядокъ... Вотъ, коли комната вамъ любя,—оставляйте задатокъ.

— А почему она ходитъ въ мѣсяцъ?

— Шестнадцать цѣлковыхъ.

— Дорогонько!

— Подите, ищите дешевле!

— Вы уступите... мы, можетъ быть, сойдемся.

— Ну, пыль-то пзъ языка выколачивать нечего,—былъ вамъ сказъ, и все тутъ! Если ладно брать,—оставляйте деньги, а не ладно,—такъ мнѣ недосугъ съ вами короводиться.

Мы поспѣшили уйти.

— Много васъ тутъ такихъ шляется, только нивѣсть зачѣмъ: либо бѣльма лунить, либо фатеру смотрѣть?.. Видали тоже вашего брата! провожала она насъ и не была въ состояніи успокоиться вплоть до тѣхъ поръ, пока мы не скрылись за калиткою.

— Вѣдь этакая сварливая баба! замѣтила Ольга.

— А ты обратила вниманіе, какъ она въ самый-то ротъ кричала? Я такъ и думала, что она меня укуситъ!

— Да... здѣшнія хозяйки—ужасныя собаки!.. тебѣ въ диковинку?.. ничего, скоро обтерпнешься!

Наконецъ, комната найдена. Хозяйка подкупила меня своею

обходительностью, такъ что ради этого обстоятельства я не обратила даже вниманія на кое-какія неудобства.

Кромѣ меня, не имѣлось болѣе жильцовъ въ этой квартирѣ.

Подъ вечеръ того же дня, я перебралась на новоселье. Утомленная укладкой и переѣздомъ, я улеглась пораньше въ постель и вскорѣ крѣпко уснула. Только вдругъ, среди ночи, я была разбужена пронзительнымъ крикомъ:

— Спасите!.. душатъ!.. давятъ!.. помогите!..

Вслѣдъ за этими возгласами, въ мою комнату ураганомъ влетѣло какое-то бѣлое привидѣніе, съ длинными развѣвающимися волосами. Захлопнувъ за собою дверь, оно щелкнуло задвижкой и уперлось въ дверь спиной. Сдѣлать это оказалось необходимымъ, ибо тотчасъ же послѣдовалъ напоръ извнѣ. Я, въ испугѣ, вскочила съ постели. Сердце страшно билось.

— Кто здѣсь?

О — Я.

Это была хозяйка въ одномъ бѣльѣ.

— Испугала я васъ, миленькая барышня?.. Простите меня, извините, пожалуйста!.. Вѣдь вы не выгоните меня?.. не дадите убить?

Она заплакала.

— Да что такое случилось?.. ради Бога, скажите?.. пришли разбойники?.. или воры?.. ваша жизнь была въ опасности?

Я задавала вопросы прерывающимся голосомъ.

— Гей, Прасковья, выходи, говорю!... не то—плохо будетъ, ревѣлъ пьяный голосъ за дверью.

— Душегу-убъ окаанный!

— Не то—пеняй на самоё себя: уничтожу вѣдь! неистовствовалъ басъ.

— Повѣрите ли, милая барышня, я вотъ этакъ-то тринадцатый годъ маюсь съ моимъ извергомъ!... За грѣхи Господь такого супостата послалъ!

— Это вашъ мужъ?

— Да... губитель мой... Какъ его, значить, винище разберетъ, —такъ сейчасъ бить меня... У васъ, спасибо, комната не была заперта.

Дверь затряслась отъ удара кулака.

— Не смѣйте беспокоить меня! крикнула я буяну.

— Эва, барыня какая выискалась! а ты чего мою законную жену хоронишь? подай ее сюда!... слышь?

— Зачѣмъ же вы ее бьете?

— А это не твоего ума дѣло! мужъ,—и вдругъ поучить не смѣй! вишь какая взялась!... вотъ же тебѣ за это!

Послѣдовалъ оглушительный ударъ въ дверь. Мнѣ показалось, что она раскололась. На минуту все стихло. Я зажгла свѣчку.

Сердце, отъ волненія, неудержимо колотилось въ груди. Меня трясла нервная лихорадка, и зубы выбивали дробь. Дрожащими руками застегивала я пуговицы платья и подбирала распустившіеся волосы.

— Вы бы къ полиціи обратились, сказала я хозяйкѣ.

— Обращалась.

— Ну, и что же?

— Не наше, говорятъ, дѣло.

— Къ полиціи? разсвирѣпѣлъ хозяинъ:—ты мою жену подучать?.. Ты...

Въ то же время хряснула отлетѣвшая отъ двери задвижка, хозяйка была также отброшена въ сторону, и буянъ, съ поднятыми кулаками, очутился среди моей комнаты.

— Ты бунтовщица!..

И онъ ринулся на меня. Но я успѣла проскользнуть у него подъ руками и выбѣжала въ переднюю. Однако онъ ухватилъ таки меня за платье, блокъ котораго остался у него въ рукѣ. Дверь на лѣстницу оказалась запертою на ключъ. Это задержало меня на нѣсколько мгновеній. Хозяинъ, воспользовавшись этимъ временемъ, настигъ меня съ ругательствами, но, запнувшись въ потьмахъ, упалъ, прижавъ меня къ двери всею тяжестью своего тучнаго тѣла. Къ счастью, ключъ былъ повернуть, дверь распахнулась, я вылетѣла въ нее ураганомъ, а онъ съ размаха растянулся на порогѣ.

— Держи ее, сицилистку!.. Караулъ!.. обокрала!... безумствовалъ пьяный.

Спускаясь по лѣстницѣ, я видѣла, какъ отворились двери сосѣднихъ квартиръ, но тотчасъ же и захлопнулись вновь. Должно быть, сосѣди уже привыкли къ сценамъ подобнаго рода. Я очутилась въ нижнемъ этажѣ.

На дворѣ стоялъ трескучій морозъ. Захватывало дыханіе. Идти куда нибудь въ такую пору и въ растерзанномъ видѣ нечего было и думать, и я постучалась въ первыя двери.

— Кто тамъ? окликнули меня.

Затѣмъ послышался старушечій кашель.

— Пустите, Бога ради!

Дверь отворила старушка, кутавшаяся въ платокъ, надѣтый прямо поверхъ бѣлья.

— Откуда?

— Съ верху... Съ № 11.

— А... жиличка?

— Да.

— Что, небось скандалъ?... выгнали?

Я не могла отвѣчать отъ спазмъ, сдавившихъ горло.

— Ну, Христось съ тобой: подь, лягъ до утра!

И она, взявъ меня за руку, довела до большаго сундука, помѣщавшагося тутъ же въ кухнѣ, въ ногахъ ея кровати, съ которой она скинула мнѣ верхнюю подушку.

— Побили, что-ль?

Но дальше нервы мои не выдержали: уткнувшись лицомъ въ подушку, я зарыдала.

— Поплачь, поплачь!... Это ничего: легче будетъ, шептала старуха.—Только бы жильцовъ своихъ не потревожить.. Этакіе вѣдь озорники, прости Господи!.. До тебя у нихъ жила нѣсколько дней дѣвушка одна... въ повивальныя бабки готовилась... Такъ вѣдь избили сердечную!... Какъ есть всю избили, да потомъ она же и виновата осталась: наклепали на нее всякую небылицу... Вотъ такъ же у меня ночь провела.

— Чего же смотреть полиція... дворникъ?

Старушка махнула рукой.

— Дворникъ?... да онъ самъ-то вѣчно пьянствуетъ съ ними вмѣстѣ!... извѣстно—ихъ руку и держитъ.

— Но вѣдь это разбой!

Я не могла успокоиться вплоть до самаго разсвѣта. Затѣмъ позвала дворника и, въ сопровожденіи его, отправилась на свою квартиру. Онъ, накинувъ на плечи длинную дубленую шубу, лѣниво шагаль черезъ дворъ впереди меня, волоча по снѣгу передніе углы тулупа. Промерзлая лѣстница захрустѣла подъ нашими ногами. Дворникъ постучаль въ дверь № 11. Я куталась въ платокъ, который дала мнѣ добрая старушка.

На порогѣ квартиры появился протрезвившійся хозяинъ.

— А-а а!.. протянулъ онъ:—сама же вчера наскандалила, да сама же и за дворникомъ скорѣй?

— Я попрошу васъ, хозяйка, возвратить мнѣ десять рублей, которые вы получили отъ меня впередъ за мѣсяцъ.

— Я съ васъ, миленькая барышня, никакихъ денегъ за комнату не получала, сладкимъ голоскомъ пропѣла та.

Но я уловила быстрый, какъ молнія, взглядъ, которымъ обмѣнялись достопочтенные супруги.

— Эва, ловкая какая! ввернулъ хозяинъ:—ты не токма что денегъ, а и вида-то намъ своего не подавала!

— Никто его у меня не спрашивалъ.

— А деньги, небось, спросили?

— Спросили.

— А гдѣ у тебя расписка?

— Я, миленькая барышня, имѣю привычку всегда давать расписочку въ полученіи... вѣдь я грамотная.

— А ты спроси-ка, по какому виду она проживаетъ? обратился мужъ къ дворнику, тупо смотрѣвшему на всю сцену:—можетъ, она еще безпашпортная какая?

Но дворникъ не обратилъ на его выходку вниманія.

— Выноси мои вещи! сказала я ему, застегивая шубку.

—А за постоя-то за сутки? нешто у вашего брата, скудентокъ, не полагается? грубо остановилъ меня хозяинъ.

— Вы получили болѣе чѣмъ достаточно, презрительно отозвалась я.

— Нѣтъ, ты погоди... за оскорбленіе еще у мирового судьи отвѣтишь!.. дворникъ, будь свидѣтелемъ!.. А такъ, задарма, я все таки тебя не выпущу!.. И ты мнѣ тоже свидѣтелевъ представь... Какъ ты смѣешь честныхъ людей порочить?

— Не *тыкайся*, мужланъ!

— Вотъ, вотъ, вотъ... слышалъ?.. Ахъ ты, фря этакая: еще ругается!..

Я выкинула двугривенный. Онъ со звономъ покатился по полу.

— И это безпремѣнно пропишемъ, будто кость собакѣ швырнула?.. съ форсомъ съ какимъ?.. туда же! диви-бы человѣкъ былъ, а то—скудентка! ораторствовалъ хозяинъ, пока мы спускались съ лѣстницы.

Я наняла перваго попавшагося извозчика и отправилась къ Дольской, поднявъ ее съ постели ни свѣтъ, ни заря. Она была возмущена до глубины души моимъ рассказомъ.

— А какъ же съ деньгами? спрашиваю.—Такъ и пропадутъ, значить?

— Конечно: что-жъ, когда на людей такихъ напала.

— А къ мировому?

— Гдѣ же доказательства? И въ школъ можетъ выйти неприятность... У насъ этого не любятъ... Плюнь, да и все тутъ! Вѣдь и всѣ мы платимъ впередъ за квартиру, и расписокъ не беремъ... да вѣдь хозяева не отказываются же...

— Слѣдовательно, если только захотятъ эксплуатировать, то и могутъ?

— Да... Вѣроятно, твои хозяева поступили такимъ образомъ не съ одной тобою... Разумѣется, выгоднѣе собрать въ мѣсяцъ нѣсколько десятковъ рублей вмѣсто одного, къ тому же и комната остается въ ихъ распоряженіи...

— Это какое-то исключеніе.

— Не скажи... У меня, на старой квартирѣ, пропалъ изъ запертаго комода большой теплый платокъ, да еще кое-что изъ бѣлья. Очевидно, хозяйка подобраннымъ ключемъ отворила и взяла, но клялась и божилась, что въ мою комнату никто даже не входитъ безъ меня. Поди тамъ, возись съ ней... я взяла, да и бросила. Съ тѣхъ поръ тутъ вотъ и живу... Сорокиной тоже хозяйка попалась вѣдьма не послѣдней руки...

— Въ чемъ же дѣло?

— Она, видишь ли, съ одной подругой наняла миленькую комнатку; и хозяйка имъ понравилась, любезная такая, кофеемъ угощаетъ... на другой день просить ихъ, что нельзя ли, молъ, въ вашей комнатѣ иногда гостей принять, такъ какъ они съ мужемъ помѣщались въ кухнѣ, а всѣ комнаты сданы жильцамъ. Дѣвушки было замаялись. „Да хоть въ ваше отсутствіе“, упрасиваетъ хозяйка. Позволили. Вотъ однажды онѣ приходятъ съ курсовъ, — видятъ, что въ ихъ комнатѣ хозяйка угощаетъ водкой и закуской какого-то молодца. Книги сдвинуты на окно, столъ занятъ. „Мы скоро уйдемъ и не будемъ вамъ мѣшать“, говоритъ хозяйка. Сѣли въ уголь, ждутъ. Собесѣдники безъ церемоніи любезничаютъ и потягиваютъ рюмку за рюмкой. Проходитъ часъ, другой, третій, надо заниматься, читать лекціи, а тѣ—и въ усъ себѣ не дуютъ... Наконецъ жилицы захотѣли спать, легли на свои кровати и ждутъ... не уходятъ... А мужа хозяйки не было дома. Терпѣніе фельдшерицы начинаетъ лопаться. Наконецъ ушли. Тотчасъ же явился и хозяинъ. Это, значитъ, у нихъ было условлено.

— У кого?

— У гостя съ хозяйкой, конечно... Такимъ образомъ, въ теченіе цѣлаго вечера, дѣвушки были обречены выслушивать дурную болтовню, пошлыя любезности и сальности. На другой день онѣ категорически отказались принимать у себя чужихъ гостей. Тогда хозяйка стала придирается къ нимъ, притѣснять и вскорѣ сжила съ квартиры... впрочемъ, онѣ сами уѣхали тотчасъ же, какъ только срокъ кончился... Знаешь, я что пробовала: составить подробное условіе при наймѣ и дать подписаться хозяевамъ.

— Прекрасно...

— Въ томъ-то и дѣло, что ничего прекраснаго не вышло: никто не согласился подписать его: такъ я три хорошихъ комнаты упустила изъ-за этого. На словахъ уговаривайся, въ чемъ угодно, а на бумагѣ—не хотятъ... Э, да впрочемъ что тутъ много толковать, нехай ихъ всѣхъ бисъ визьме!.., давай лучше пить чай!

Маруся энергично махнула рукой. Черезъ нѣсколько дней, я наконецъ устроилась. Впослѣдствіи мнѣ случилось узнать, что большинство изъ моихъ сокурницъ такъ или иначе испытали на себѣ тяжесть квартирнаго вопроса.

IV.

Нашъ праздникъ.

На святкахъ, когда всѣ веселятся и отдыхаютъ, намъ пришлось работать усиленно, такъ какъ на это время были назначены полугодичные экзамены. Освободившись наконецъ отъ нихъ, мы принялись хлопотать объ устройствѣ литературно-танцевальнаго вечера въ пользу недостаточныхъ слушательницъ нашихъ курсовъ. Такой вечеръ или *балъ*, какъ мы называли его, устраивался ежегодно школою въ концѣ января мѣсяца. Этотъ день былъ для насъ настоящимъ праздникомъ. Еще задолго до него, весь нашъ муравейникъ закопошился и заволновался.

— Отчего сегодня многихъ нѣтъ на лекціяхъ? спрашивала надзирательница.

— Оттого что скоро балъ, отвѣчаютъ ей.

— Но развѣ онѣ съ этихъ поръ начали уже танцовать?

Это замѣчаніе вызываетъ общій смѣхъ. Большинству было еще далеко не до танцевъ. Однѣ совсѣмъ не имѣли платьевъ для бала, и имъ приходилось брать на время у подругъ. что неминуемо сопровождалось возней насчетъ передѣлки. Другія подновляли свои старые костюмы... Словомъ, всѣ хлопотали и суетились немало. Этимъ объяснялась манкировка лекціями, замѣченная надзирательницей.

Всѣ хлопоты по устройству бала были возложены на избранныхъ школою распорядительницъ, въ число которыхъ попала и я съ Верещагиной. Намъ съ нею выпало на долю—привлечь къ участию въ вечерѣ наиболѣе выдающихся писателей, въ томъ числѣ и покойнаго Э. М. Достоевскаго.

Отправились къ нему.

— Они обѣдаютъ, объявила намъ горничная.

— Мы подождемъ... вы только доложите, сказала Верещагина.

— Хорошо, скажу.

Она исчезла. Почти тотчасъ же вслѣдъ за нею выбѣжалъ самъ Оедоръ Михайловичъ. Лицо его нервно передергивалось, онъ былъ въ возбужденномъ состояніи.

— Я, милостивыя государыни, не мальчишка, рѣзко оборвалъ онъ насъ:—а человѣкъ старый-съ! Бѣсть мнѣ нужно толкомъ. Если мнѣ не дадутъ времени и на это,—то чѣмъ же прикажете мнѣ тогда поддерживать свое существованіе?... а?...

— Извините, мы не хотѣли отрывать васъ отъ обѣда, сконфуженно пролепетала моя подруга, пятясь къ двери.

— Мы вѣдь хотѣли подождать, поддержала я ее.

— А затѣмъ-съ, перебилъ онъ, жестикулируя и наступая на насъ:—мой организмъ требуетъ отдыха!.. настоятельно требуетъ!

Я взялась за ручку выходной двери и потянула ее къ себѣ.

— Нѣтъ-съ, вы куда же? остановилъ Достоевскій:—объясните, зачѣмъ пришли?

— Да мы курсистки... хотѣли просить васъ читать, выкрикнула Верещагина уже изъ-за двери.

— А, ну, такъ вернитесь... войдите,—да ну же, пожалуйста, прибавилъ онъ, видя нашу нерѣшительность.—Извините старика... Я человѣкъ больной, смягчился онъ, вводя насъ въ свой рабочій кабинетъ и усаживая у письменнаго стола противъ себя.

— Съ какихъ вы курсовъ? уже совершенно инымъ тономъ обратился онъ къ намъ.

— Съ фельдшерскихъ, отвѣтили мы, ободрившись.

— Что же это я о такихъ не слыхалъ? произнесъ онъ вдумчиво.

— Наша школа еще молодая.

— А-а...

Мы стали просить его не отказать намъ въ своемъ содѣйствіи.

— Видите ли, пакаунѣ вашего бала я читаю у бестужевовъ, на другой день—у медичекъ... а тамъ у меня еще три вечера на носу... вѣдь этакъ можно протянуть ноги.

Мы не рѣшились возражать. Онъ помолчалъ немного.

— А великъ ли у васъ контингентъ нуждающихся?

— Очень великъ.

— Ну, въ такомъ случаѣ надо читать...Хорошо, я вамъ общаю.

На его нервномъ лицѣ изобразилось состраданіе. Раздражительность его также скоро миновала, какъ и возникла. Минуту назадъ, предъ нами былъ точно совсѣмъ другой человѣкъ. Мы принялись благодарить его отъ лица всѣхъ своихъ товарищей. Это была для насъ чистая находка, такъ какъ нѣкоторые изъ

молодыхъ писателей обѣщали намъ свое участіе въ вечерѣ только подъ условіемъ, если будетъ и Достоевскій.

Выйдя на лѣстницу, Верещагина облегченно вздохнула.

— Что съ тобою?

— Ахъ, Боже мой! Я такъ и думала, что онъ побѣдетъ насъ.

Мы обѣ засмѣялись.

— А вѣдь въ сущности онъ предобрый... Это видно! но я все таки до сихъ поръ еще не могу прійти въ себя...

И она покачала своей красивой головкой съ выбившимися черными волосами изъ-подъ котиковой шапочки, заломленной по мужски, на бекрень.

— Однако, сегодня морозъ-то кусается! замѣтила она, | пряча въ пледъ свой тонкій, будто выточенный носъ.

Кстати нѣсколько словъ о Верещагиной.

Это былъ просто незамѣнимый на курсѣ человѣкъ, вслѣдствіе ея знакомства со стенографіею. Благодаря ей, фельдшерицы могли спокойно слушать лекцію, а потомъ списывать ее подъ диктовку Верещагиной. Лишь нѣкоторыя вели самостоятельно записки, только дополняя ихъ со словъ стенографировавшей. Услуга послѣдней, во всякомъ случаѣ, была неоцѣненная.

Маргарита Верещагина являлась на лекціи постоянно въ одномъ и томъ же темно-коричневомъ платьѣ, единственнымъ украшеніемъ котораго служили воротничокъ и манжеты, всегда безукоризненной бѣлизны. Между тѣмъ, отецъ ея игралъ немаловажную роль въ финансовомъ мірѣ и обладалъ значительнымъ состояніемъ. Зайдя однажды къ дѣвушкѣ, я встрѣтила не только комфортъ, но и роскошь въ квартирѣ ея родителей. Но удивленіе мое возрасло еще болѣе, когда я услышала блестящую игру Маргариты на роялѣ. Положительно, я была приведена въ неописанный восторгъ.

— Почему не поступишь ты въ консерваторію? приступила я къ ней:—вѣдь у тебя крупное музыкальное дарованіе!.. Ты—виртуозка!..

Она презрительно пожала плечами.

— Тратить время на эстетическое удовольствіе, когда столько дѣла ждетъ рукъ?.. Это преступленіе! пробасилъ братъ Маргариты, студентъ медицинской академіи.

Я поняла, подъ чьимъ вліяніемъ она находится, и удивилась, какъ могла эта энергичная и самостоятельная дѣвушка слѣло подчиниться ему. Я задумалась надъ вопросомъ: съ какой стороны ума или чувства доводы брата нашли путь въ сознаніе или сердце этой экзальтированной дѣвушки? Но что она оказалась

искренно убѣжденною въ необходимости отдать свои силы и знаніе на пользу меньшихъ братій,—въ этомъ не было никакого сомнѣнія... Я смотрѣла на геркулесовское сложеніе ея брата, на его лицо, жирное и красное, какъ у мясника, и думала: „это олицетвореніе физической жизни; по всему видно, что ни на что высшее ты неспособенъ! такъ иди же въ низшіе слои и положи свои силы,—тамъ твое мѣсто... будь добросовѣстнымъ лѣкаремъ, и общество останется тебѣ благодарнымъ. Необходимы и такіе дѣятели... Но зачѣмъ тащить сестру за собою?.. Она не напрасно надѣлена отъ природы дивнымъ даромъ; назначеніе ея: вдохновлять на работу такихъ, какъ ты, тружениковъ; чудной мелодіей вливать уладу и поэзію въ ихъ сѣренькую жизнь, поднимать первы у массы людей, чтобы они могли хоть на мигъ оторваться отъ грубаго матеріализма и забыться, утонувъ въ волшебномъ морѣ трепетныхъ звуковъ... Слѣдовательно, поприще ея шире твоего... Не понимая этого, ты тянешь ее внизъ, сводишь на степень заурядной работницы, для которой не нужно никакихъ талантовъ“.

— О чемъ это ты задумалась? спросила меня Маргарита.

Я откровенно высказала свои думы.

Боже, какая буря протестовъ обрушилась на меня съ обѣихъ сторонъ! Предложеніе мое было осмѣяно, какъ рутинное и отжившее свой вѣкъ. Но подъ перекрестнымъ огнемъ насмѣшекъ я твердила свое:

— Ты увлекаешься, Маргарита! призваніе твое—музыка.

Однако возвращаюсь къ прерванному разсказу.

Послѣ Достоевскаго, мы побывали еще у нѣкоторыхъ писателей, пока не набрали наконецъ полного комплекта, согласно программѣ литературной части вечера.

Наконецъ насталъ давно жданный день.

Залитая огнемъ, зала Кононова была переполнена народомъ. На эстрадѣ появлялись одна за другою литературныя извѣстности, встрѣчаемыя и провожаемыя громомъ рукоплесканій. Съ ними чередовался любительскій хоръ. Вообще вечеръ удался; все въ немъ было какъ слѣдуетъ, т. е. трафаретно, заурядно и подогнано подъ общую программу всѣхъ подобныхъ ему вечеровъ.

— Господи, какъ дурно читаетъ! съ отчаяніемъ воскликнула одна дама въ заднихъ рядахъ стульевъ:—здѣсь вѣдь ровно ничего не слышно!.. Не знаете ли, кто это такой?

Сосѣдка ея справилась съ афишею и назвала фамилію чтеца.

— А-а-а! успокоительно протянула первая:—плохо читаетъ, зато извѣстность... Тогда ему и простительно! Будемъ же смотреть на него!

— Да ихъ вѣдь какъ звѣрей и показываютъ... Для приманки публики только и приглашаютъ.

— И прекрасно дѣлаютъ.

— Далеко не прекрасно! эта же самая вещь, надъ которою теперь можно уснуть, въ исполненіи хорошаго лектора могла бы произвести фуроръ.

— О, ничего! пусть, напимѣрь, Тургеневъ читаетъ плохо, но только все же самъ,—это лучше, нежели съ его произведеніемъ выйдетъ хорошій, но какой нибудь неизвѣстный лекторъ... здѣсь важенъ не только смыслъ чтенія, но интересно и видѣть автора, горячилась дама:—онъ отгнѣнитъ всегда то, что желаетъ, и впечатлѣніе поэтому получается особенное.

Въ литературской уборной, между тѣмъ, О. М. Достоевскій разсуждалъ съ однимъ своимъ коллегой, задавая временами вопросы и мнѣ (въ уборной находилось пять дежурныхъ фельдшерицъ).

— Сколько взяли съ васъ за помѣщеніе?

— Семьдесятъ пять рублей.

— Семьдесятъ пять!.. кхе!.. нервно кашлянулъ Оедоръ Михайловичъ:—а?.. слышишь?.. каково!.. мошенники!.. ударяя по колѣну своего собрата, волновался онъ:—не желаютъ знать того, что вѣдь это они съ нищаго суму дерутъ!

— Да, конечно, отозвался тотъ.

— Вѣдь это возмутительно!.. Ну, возьми за газъ, за прислугу, еще за что слѣдуетъ... а то вѣдь этакъ безбожно съ голи лупить!.. Хоръ что съ васъ взялъ?

— Ничего... вѣдь это любительскій... только пятьдесятъ билетовъ двухрублевыхъ дали имъ за это, чтобы они имѣли мѣста.

— Это благородно... такъ и слѣдуетъ!

Я, тѣмъ временемъ, поставила на столъ десертъ: виноградъ, конфекты, яблоки и апельсины, и откупорила ящикъ съ папиросами.

— И зачѣмъ вы накупили всего? замѣтилъ Достоевскій:—кому оно нужно?.. никто вашихъ сладостей ѣсть не станетъ, а папиросы у каждаго изъ насъ имѣются свои... эти деньги оставили бы лучше въ своей кассѣ.

— Помилуйте, здѣсь какія нибудь копѣйки.

— Пригодились бы и копѣйки... на бѣдныхъ пошли бы...

Достоевскій сталъ озираться по сторонамъ, какъ бы ища чего-то. Возлѣ него тотчасъ же очутилась его жена, съ фляжкою какой-то безцвѣтной жидкости въ рукахъ.

— Выпей, ты взволнованъ, заботливо предложила она мужу,

подавая ему стаканъ, въ который налила всего нѣсколько глотковъ содержимаго.

Онъ молча принялъ питье изъ ея рукъ.

— Чаю, пива или лимонадъ-газеса не пожелаетъ ли Ѳеодоръ Михайловичъ? освѣдомилась я у Анны Григорьевны.

— Нѣтъ, благодарю васъ; кромѣ сахарной воды, онъ ничего не пьетъ на вечерахъ... когда взволнуется, такъ она его успокоиваетъ... поэтому я всегда вожу бутылочку съ собою... Пойти опять въ залъ послушать хоръ.

Она улыбнулась мнѣ, направляясь къ двери. Шлейфъ голубаго шолкового платья, отдѣланнаго бѣлыми кружевами, зашуршаль по полу.

Въ эту минуту, въ уборную вошелъ, подъ руку съ одною изъ распорядительницъ, симпатичный маститый поэтъ.

Бѣлокурые съ просѣдью волосы его волнообразно ниспадали на плечи.

— Къ чему такая помпа? тихо произнесъ онъ послѣ первыхъ привѣтствій съ находившимся въ уборной.

— А что?

— Да въ каретѣ за нами... тольколишняя трата и беспокойство

— Ну, вотъ, видишь, и я то же самое говорю! вскочивъ со своего мѣста и жестикулируя, подхватилъ Достоевскій:—мы вѣдь и сами могли бы пріѣхать... да на извозикѣ... а кому близко,—тотъ и пѣшкомъ добрался бы... не такъ ли?

— Уфъ! воскликнулъ въ это время вернувшійся лекторъ, романистъ и драматургъ:—усталъ!

— Не моя ли теперь очередь?.. не мнѣ ли идти?.. засуетился Ѳеодоръ Михайловичъ.

— Нѣтъ еще, хоръ отправился пѣть.

— А... Ну что, братъ, старъ сталъ? шутливо замѣтилъ онъ обращаясь къ вернувшемуся романисту.

— Да, чтò подѣлаешь!.. одышка мучить.

— И всѣ-то мы здѣсь старики собрались, сказалъ поэтъ.

— Пора бы ужъ насъ и въ покоѣ оставить... заступать наше мѣсто болѣе молодымъ, согласился Достоевскій.

— И правда, а то какъ превратишься въ развалину, тутъ тебя и начать приглашать да таскать всюду... точно лѣта создаютъ извѣстность, а не труды. Зато другой разъ и радъ бы всей душой помочь дѣлу, да физическихъ-то силъ уже не хватаетъ, замѣтилъ поэтъ.

— Теперь скоро ваша очередь, Ѳеодоръ Михайловичъ, предупредила я.

— Ага, благодарю васъ...

Онъ схватилъ со стола книгу, уединился въ уголь и началъ нервно перевертывать страницы. Руки его дрожали.

— Какъ ты думаешь, Федоръ Михайловичъ?.. началъ было романистъ.

— Это невѣжливо, милостивый государь! вскипѣлъ на него Достоевскій:—вы видите, что я читаю!

Старый беллетристъ, улыбувшись, замахалъ рукою и отвернулся.

За Федоромъ Михайловичемъ явилась Волынцева.

Прошло нѣсколько времени.

— Подавайте ужинъ! распорядилась я, едва Достоевскій вернулся.

— Не нужно, не буду!... ухожу.

— Прошу васъ, останьтесь... онъ вѣдь у насъ заказанъ ранѣе.

— Накормите самыхъ бѣднѣйшихъ... пусть будетъ имъ настоящій праздникъ!

Примѣру Достоевскаго послѣдовали и его коллеги.

Литературная часть вечера была окончена. Чтецы разъѣхались. Начались танцы. Жара въ залѣ стояла невыносимая. Воздухъ, отравленный дыханіемъ массы людей и горѣніемъ, пропитанный табачнымъ дымомъ,—подернулся синеватою дымкой. Всѣ двигались, какъ въ чадѣ. Дышать было нечѣмъ; даже свѣчи горѣли тусклымъ мерцающимъ пламенемъ. Тѣмъ не менѣе, давка была страшная. Здѣсь, какъ на всѣхъ студенческихъ вечерахъ, вообще не танцовали, а только мiali другъ другу бока. Но лица фельдшерницъ сіяли счастіемъ. Всѣ веселились отъ души на *своемъ* балу.

Онъ важенъ былъ для насъ по результатамъ, давая ежегодно отъ 500 до 1000 рублей чистой прибыли. Всѣ нуждающіеся ожидали денегъ, какъ манны небесной. Изъ этой суммы, за однихъ вносили годовую плату за слушаніе лекцій; другія получали возможность запасть дорого стоящими учебными пособіями; третьи —экипировались; наконецъ, остальные получали небольшія единовременныя денежныя пособія.

Праздникъ у всѣхъ былъ полный. На время забывались перенесенныя лишенія и заботы.

— Слава Богу, хоть разъ въ годъ вздохнешь свободно и поживешь по человѣчески! слышится возгласъ.

— Но надолго ли этого хватитъ?

— На нѣкоторое время достаточно, а тамъ—какъ нибудь перемаешься до будущаго года и слѣдующаго бала! утѣшаютъ себя бѣдняги....

Анна Догановичъ.